

На пути исканий

СПЕКТАКЛИ, недавно показанные на московской сцене Черновицким украинским музыкально-драматическим театром имени О. Кобылянской, подтверждают мнение, сложившееся о нем по гастролям 1948 года. Это, несомненно, сильный и самобытный творческий организм. Театр постоянно обращается к лучшим произведениям украинской классики, широко и разнообразно представленной на его подмостках.

И в дни гастролей коллектив остался верен себе, выловив в репертуар шесть названий украинских музыкальных и драматических спектаклей, познакомив москвичей с образцами творчества корифеев национальной культуры. Здесь и «Катерина» — опера, написанная Н. Аркасом по мотивам одноименной поэмы Т. Шевченко, и комические оперы «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, и популярная на украинской сцене «Наталка Полтавка» Н. Лысенко. Высокий уровень вокального исполнения сочетается в них с выразительным сценическим рисунком ролей, вдумчивой игрой артистов, одинаково хорошо чувствующих себя и в музыкальной и в драматической стихиях спектаклей.

Помимо оперных произведений, линию классики в репертуаре театра продолжают инсценировка известной повести О. Кобылянской «В воскресенье рано зелье собирала...», драма «Лымеривна» П. Мирного и инсценировка его же романа «Уличная». Достаточно просмотреть эти три работы, чтобы воочию убедиться, каким щедрым богатством владеет коллектив в лице актеров старшего, среднего и младшего поколений. Именно в этих спектаклях, своеобразно поставленных режиссурой и сыгранных актерами, особенно сильно, на наш взгляд, проявились бережно хранимые традиции украинской реалистической сцены. Умение от интонаций бытовых неожиданно подниматься до подлинно трагедийных высот, тонкое ощущение юмора, необычайное по задушевности выражение лирических чувств и, наконец, страстный гражданский пафос обличения — таковы наиболее характерные черты искусства мастеров этого театра.

Невозможно забыть насыщенную искренним драматизмом сцену, когда Наталья Лымеривна (артистка В. Веспрелетова) — гордая украинская девушка — бросает слова обвинения тем, кто пограл ее человеческое достоинство. А какое грозное предостережение, какой страстный протест заключены в монологах бывшего семинариста Довбыня — Ю. Величко, уличающего сильных мира того в невежестве и стяжательстве. И как глубоко поэтичны сценические портреты Татьяны и Грицы, выписанные одаренными молодыми исполнителями В. Зимней и Н. Шутько в народной песне «В воскресенье рано зелье собирала...».

Рядом с ними в памяти возникают глубоко реалистические, будто выхваченные из жизни фигуры старой Лымерихи, зажиточного казака Остапа Кнура, лавочника Загнибеды. Просто, с помощью точных бытовых подробностей рассказывают нам опытные мастера сцены Р. Раисова, В. Жижарский и Ю. Козаковский биографии своих героев.

Не только эти, а и многие другие роли, сыгранные такими артистами театра, как В. Сокирко, А. Янушевич, П. Столяренко-Муратов и другие, свидетельствуют о зрелости и самобытной силе творческого коллектива.

Одновременно Черновицкий театр заслуживает похвалы за пристальное внимание и заботу его режиссуры о росте молодых исполнителей. За время гастролей мы познакомимся с целой группой молодых одаренных актеров, широко занятых в репертуаре и уже сегодня решающих сложные сценические задачи. Помимо упомянутых Н. Шутько и В. Зимней, в спектаклях театра интересно и разнообразно выступили В. Каневская, К. Артеменко, Л. Лесной и другие.

Каковы же основные тенденции, каковы устремления, вкусы, наконец, методы и навыки в работе, принятые на вооружение артистами и главным образом режиссурой Черновицкого театра?

Значительное место в гастрольном репертуаре заняли спектакли «Уличная» и «Лымеривна», отмеченные реалистической манерой актерского исполнения. Постановка и той и другой пьесы принадлежит Е. Степанову, для режиссерского почерка которого характерны точное, подчас несколько педантичное следование авторскому замыслу, простой, безыскусственный пластический рисунок мизансцен, склонность к бытовым краскам. Однако, подчеркивая стремление Е. Степанова к сугубо бытовым реалистическим решениям, ни в коей мере нельзя оспаривать способность режиссера хорошо вскрывать эмоциональный, поэтический характер тех или иных эпизодов. Вообще, говоря о самых различных по своим художественным признакам спектаклях Черновицкого театра, почти невозможно различать их по принципу преобладания в актерском исполнении бытовых, либо поэтических интонаций: и те и другие органически переплетаются в сценическом действии.

В лучших сценах спектакля «Лымеривна» прозвучали гневные мотивы социальной несправедливости, присущей произведению П. Мирного. Менее убедительно и органично тема обличения темных сторон жизни вскрыта Е. Степановым в постановке «Уличной». Здесь прежде всего сказались слабые инсценировки В. Крайниченко, многие персонажи в которой только намечены, плохо связаны с сюжетом. Отсюда — иллюстративность большинства эпизодов, дей-

ствие в которых то возникает, то обрывается, исключая возможности следить за эволюцией характера героини. Тем не менее в отдельных картинах спектакля, свободных от характерной для инсценировки в целом клочковатости, рассказ о судьбе девушки из народа приобретает подлинно трагическую окраску.

Коллектив располагает интересной, творчески целеустремленной режиссурой, обладающей серьезным опытом профессиональной работы и достаточно четко выраженной индивидуальностью.

Своеобразие постановочной манеры особенно заметно проявилось в спектаклях «Лукьян Кобылица», «Анджело — тиран падуанский» и «В воскресенье рано зелье собирала...», осуществленных главным режиссером театра Б. Бориним. Поиски яркого, самобытного до формы выражения авторского замысла, эмоциональный постановочный язык, склонность к смелым, оригинальным решениям — таковы лучшие черты творческой манеры этого постановщика. В то же время режиссеру свойственны и серьезные, на наш взгляд, недостатки: подчас крайне субъективное видение контуров будущего спектакля, стремление подчинить

ведениями. Тревога эта особенно возрастает после просмотра единственного в репертуаре театра современного спектакля «Человек ищет счастье».

Непонятно, во-первых, почему коллектив, накопивший немалый опыт сотрудничества с начинающими писателями, не пришел на помощь А. Школьнику, не потребовал от него исправления столь очевидных досадных недостатков, имеющихся в пьесе. Этого не случилось. Во-вторых, вместо поисков индивидуальных, неповторимых черт в образах современных героев и попыток нахождения конкретных, жизненно оправданных обстоятельств постановщиком и в этом спектакле вновь руководит забота о его внешней, изобразительной стороне. Более того, ставя произведение современного автора, принципиально отличающееся от повести О. Кобылянской и по существу и по своим жанровым признакам, Борин фактически воспользовался арсеналом тех же приемов и средств, которыми оперировал в предыдущем спектакле. В результате в спектакле возникла чуждая пьесе нарочитая, искусственно приподнятая тональность актерского исполнения, не допускающая ни полутонов, ни мягких, задушевных интонаций. Пластический рисунок спектакля выглядит претенциозным, искусственным, лихорадочным. Механическое передвигание актеров не оставляет им времени по-

Сцена из 2 акта спектакля «В воскресенье рано зелье собирала...». Татьяна — артистка В. Зимняя, Грица — артист Н. Шутько.

думать, посмотреть друг другу в глаза, просто помолчать. Ни к чему в этом спектакле броские, но сомнительные по вкусу детали вроде нелепо вздрагивающих флажков в начале первой картины, изображающих, по всей видимости, могучее первомайское шествие, и музыки, звучащей на этот раз из-за кулис, но попрежнему не всегда оправданной. Марши и вальс, то и дело возникающие здесь во время действия, создают ложное ощущение нескончаемого праздника, своего рода «затянувшегося» и, по существу, противоречат намерениям автора показать строгую, деловую обстановку, окружающую воспитанников детского дома.

И вот постановка современной пьесы оказалась небогатой актерскими удачами, лишена исполнительского ансамбля: сценические портреты в ней, за редким исключением, выписаны бледно, лишены житейских подробностей. Происходит это не только из-за бедности драматургического материала, но и по вине режиссера: построив внешне занимательный каркас сценического здания, он не «обжил» его исполнителями изнутри.

Нам кажется, что было бы ошибкой не указать Борину и его товарищам по искусству на очевидный в этом случае и крайне опасный разрыв между формой и содержанием сценических образов, не предостеречь их от чрезмерного увлечения внешними постановочными эффектами. Вполне закономерное само по себе стремление к яркой театральной форме спектаклей должно подкрепляться в практике артистов и режиссуры глубоким и всесторонним анализом идейного замысла произведений, постоянными поисками новых приемов и средств их сценического воплощения. Канонизация же этих приемов, пусть самых лучших и испытанных, недопустима: она всякий раз ограничивает возможности творчества.

В связи с пьесой Школьника неизбежно возникает разговор о советской пьесе, отсутствие которой в гастрольном репертуаре не может не вызвать заслуженного упрека.

Ведь было время, когда коллектив Черновицкого театра не на словах, а на деле доказывал свою приверженность современной драматургии. Многие авторы обязаны ему своими успехами, немало литературных перуанцев обрели на его подмостках доброе имя. Помощь начинающим писателям, продиктованная насущной необходимостью, со временем переросла в привычку, стала потребностью и, наконец, традицией коллектива. Так, в содружестве с Я. Прокопенко родился «Весенний поток» — жизненадежный спектакль о новой, освободительной Буковине; так, черновицкие текстильщицы с гордостью узнали себя, свой труд, свои дела в свежей, непосредственной пьесе того же автора — «Ярослава». Заслуженный успех театра во время гастролей в 1948 году также, несомненно, был связан с принципиальностью его репертуарной политики, с интересом к современной теме.

Чем же можно объяснить, что Черновицкий театр изменил своим правилам, что среди многочисленных и разнообразных названий музыкальных и драматических спектаклей, украшающих его гастрольную афишу, в сиротливом одиночестве оказалась пьеса А. Школьника — единственная пьеса о людях сегодняшнего дня?

Остается предполагать, что современные спектакли не получили на сцене театра по-настоящему глубокого и оригинального решения и оказались ниже требований, предъявляемых к гастрольной поездке.

Все это не может остаться без внимания коллектива. Нам думается, что артисты и режиссеры Черновицкого театра постылись бы правильно, если бы попытались объективно разбираться в своем творческом хозяйстве, отдельные звенья которого запущены. Театр может и должен сделать это накануне своего 25-летия, которое он собирается отметить спектаклем «Кремлевские куранты». Пожелаем же талантливому коллективу успехов!

В. ВОРТКО.